

Плечо генерала было твердым, как камень. От резкого толчка у Цзян Суйчжоу на мгновение потемнело в глазах. Тут же чья-то сильная рука перехватила его за локоть. Хватка была такой мощной, что принц почувствовал боль в костях, но в следующее мгновение его уверенно рванули вверх и помогли сесть прямо.

— Сиди ровно, — раздался над ухом голос Хо Уцзю.

Цзян Суйчжоу, сгорая от неловкости, потер лоб и прочистил горло.

— Прощу прощения, — выдавил он, стараясь придать голосу привычную холодность.

Хо Уцзю лишь коротко хмыкнул.

Экипаж катился вперед, колеса мерно постукивали по мостовой. Ветер слегка колыхал занавески, впуская в душный вагон свежесть и звуки улицы, отчего атмосфера стала чуть менее напряженной.

Спустя минуту Цзян Суйчжоу украдкой взглянул на спутника. Хо Уцзю сидел вполоборота, глядя в окно. Блики уличных фонарей скользили по его лицу теплыми пятнами. Принцу показалось, или губы генерала действительно были бледнее обычного? В полумраке кареты было трудно разобрать, не померещилось ли ему это.

Он засмотрелся чуть дольше, чем следовало. Хо Уцзю плавно повернул голову и поймал его взгляд. Пойманный с поличным, Цзян Суйчжоу натянуто спросил:

— Тебе холодно?

«Вряд ли, — подумал он тут же. — Хоть дождь и зябкий, для такого воина это пустяк. Не все же сделаны из бумаги, как я».

— Нет, — медленно ответил Хо Уцзю.

Его взгляд скользнул по собственным ногам. С самого утра, как только начался дождь, они начали ныть. К этой боли он привык, но стоило им выехать, как она стала невыносимой. Словно тупая пила или ржавый топор медленно перепиливали его суставы и жилы. Боль была такой острой, что кожа на голове немела, а кулаки, лежащие на коленях, невольно сжимались.

Разумеется, он не собирался говорить об этом Цзян Суйчжоу. Не видел смысла, да и пугать его не хотел.

«Хотя принц, кажется, очень хочет поговорить», — подумал он. Ведь тот с самой посадки был сам не свой и то и дело подглядывал за ним.

— А тебе? — вернул он вопрос.

Цзян Суйчжоу качнул головой.

— Я заметил, что ты... всё смотришь наружу. Подумал, может, ветер слишком холодный.

Хо Уцзю издал тихий смешок.

— А почему ты не подумал, что я присматриваю путь для побега? — спросил он.

Уголок его рта едва заметно приподнялся. Занавеска колыхнулась, и свет в его глазах блеснул

лукавством.

Цзян Суйчжоу опешил и, почувствовав внезапное смущение, поспешно отвернулся к окну.

— Можешь попробовать, — бросил он ледяным тоном. — Заодно проверишь, сколько людей император приставил следить за тобой из тени.

.....Всего пара слов, а он уже в смятении? Хо Уцзю отвел взгляд, и тень улыбки на его губах стала чуть отчетливее.

Экипаж остановился у ворот Кайян. Когда Цзян Суйчжоу помогли сойти на землю, он увидел, что площадь уже заполнена каретами. Повсюду сновали чиновники со своими домочадцами, стоял невообразимый шум и суета.

Едва ступив на мостовую, принц почувствовал на себе десятки любопытных взглядов. Но еще больше внимания привлекало то, что происходило у него за спиной: Цзян Суйчжоу понимал, что все эти люди жаждут увидеть Хо Уцзю.

Приняв свой самый надменный и холодный вид, он замер у кареты, пока слуги торопливо выгружали кресло генерала. Заметив, что прохожие замедляют шаг, а толпа начинает глазеть, Цзян Суйчжоу нетерпеливо нахмурился.

«Хотите зрелищ? Ну что ж, смотрите».

Он резко обернулся к слугам и прикрикнул:

— Живее! Сколько еще мне прикажете ждать?

Слуги, раболепно кланяясь и рассыпаясь в извинениях, поспешно спустили Хо Уцзю на землю.

Цзян Суйчжоу обвел присутствующих тяжелым, пронзительным взглядом. Вид у него был крайне раздраженный — казалось, попадись ему кто под горячую руку, и беды не миновать. Вельможи тут же отвели глаза и поспешили разойтись, делая вид, будто их здесь и вовсе нет.

Довольный результатом, принц заложил руки за спину и направился к воротам. Мэн Цяньшань, толкая кресло, едва поспевал за ним. Поскольку принц Цзин выглядел так, будто готов взорваться в любой момент, никто из чиновников не рискнул подойти с приветствиями, и путь до дворца оказался на редкость спокойным.

Тем не менее, косые взгляды продолжали преследовать их, особенно того, кто следовал за принцем. Хо Уцзю.

До этого года его имя звучало для них как приговор жнеца смерти. Именно этот человек вел войска от заставы Янгуань до самого Ечэня, вышвыривая их из родовых гнезд и тесня к югу от Великой реки. В конце прошлого года он вновь поднял знамена, выстроив многотысячную армию на берегу, готовясь нанести последний удар и стереть государство Цзин с лица земли.

Лишь чудом, благодаря неприступности реки и какой-то роковой ошибке в координации северян — когда авангард переправился, а основные силы застряли на том берегу, — южным генералам удалось окружить его небольшой отряд. Но даже тогда битва длилась неделю, и Хо Уцзю взяли в плен лишь тогда, когда у его людей закончились и стрелы, и силы.

Кем он был для них? Кошмаром, который почти затащил их в могилу, но каким-то чудом был повержен в последний миг.

И вот теперь этот «демон» с перебитыми ногами, в статусе наложницы, смиренно следует за принцем Цзином на пир в честь императора.

Многие ожидали увидеть кровожадное чудовище с лицом бандита и окладистой бородой. Но перед ними предстал на редкость статный и красивый мужчина. Он сидел в кресле неподвижно, и хотя его мощная фигура казалась слишком крупной для инвалидной коляски, он держался с поразительным достоинством. Бледный, одетый подчеркнуто просто, он всё же напоминал обнаженный клинок — острый и опасный.

Вдруг атмосфера вокруг изменилась. Боковым зрением Цзян Суйчжоу заметил знакомую фигуру. Высокий, могучий детина в нарядных одеждах, которые сидели на нем как на разбойнике, вылезшем из лесной чащи. Смуглое лицо и выпученные глаза, полные ярости и скорби, выдавали в нем старого знакомого.

«О, Цзи Хунчэн...» — пронеслось в голове принца.

Этот человек славился своим буйным нравом и прямолинейностью. Увидев Хо Уцзю в таком положении, он мог натворить дел. Цзян Суйчжоу приготовился к скандалу.

Цзи Хунчэн действительно двинулся к ним размашистым шагом, напоминая черного медведя, запутавшегося в шелках. Он остановился в трех шагах. Цзян Суйчжоу нахмурился, ожидая выпада, но гигант замер как вкопанный. Он лишь свирепо зыркнул на принца и... резко развернулся и ушел. Его кроткая супруга, шедшая следом, лишь виновато поклонилась Цзян Суйчжоу в знак извинения.

«И это всё?» — удивился принц, решив, что тот просто побоялся устраивать сцену на глазах у императора.

Он не заметил, как в тот момент, когда Цзи Хунчэн приближался, крохотный бумажный шарик, выпущенный чьей-то невидимой рукой, точным щелчком влетел верзиле прямо за пазуху. Никто не увидел этого мимолетного движения. Лишь позже, скрывшись в уборной, Цзи Хунчэн дрожащими руками развернул записку. Там четким, каллиграфическим почерком Хо Уцзю было начертано:

«Писем больше не шли. Затаись и жди. Когда Лоу Юэ вернется в столицу, принеси веточку ивы».

Цзи Хунчэн мгновенно всё понял. Генерал Хо ничего не забыл и не сдался — он просто ждал подходящего момента. И этим моментом был приезд генерала Лоу. Но Лоу Юэ всегда был безгранично предан престолу, а Хо Уцзю теперь считался мятежником... Поможет ли он?

С тяжелым сердцем Цзи Хунчэн запихнул бумажку в рот и проглотил её.

Хо Уцзю заранее предвидел встречу с Цзи Хунчэном. Этот человек, при всем своем желании помочь, был бесполезен и лишь привлекал лишнее внимание своими письмами, создавая проблемы поместью принца. Сейчас от него требовалось только одно — стать посредником в связи с Лоу Юэ.

Сидя в кресле, Хо Уцзю погрузился в свои мысли. Он цеплялся за жизнь не для того, чтобы терпеть издевательства императора, а ради шанса вырваться отсюда. Во всем Южном Цзине у него не было союзников, кроме Лоу Юэ. Тот принадлежал к другому лагерю, но много лет назад Хо Уцзю спас ему жизнь. Генерал не любил требовать долги, но сейчас это был его единственный путь к спасению.

Он поднял глаза на идущего впереди Цзян Суйчжоу.

Тот вышагивал впереди, его полы одежды развевались на ходу. Лицо принца, должно быть, было таким грозным, что придворные жались к стенам.

«Если придет день моего побега... император не оставит это просто так», — подумал Хо Уцзю. Он еще раз взглянул на спину принца.

«Если небо даст мне шанс и у меня останутся силы... ради этого "кролика", который оказался на удивление добрым и, кажется, питает ко мне какую-то нелепую привязанность, я постараюсь спасти ему жизнь».

Цзян Суйчжоу и не подозревал, о чем думает человек за его спиной. В сопровождении слуг они добрались до зала Циу, где их уже ждал распорядитель.

— Приветствую принца Цзина! Позвольте проводить вас к вашему месту, — с заискивающей улыбкой произнес евнух.

Затем его взгляд переместился за спину принца, и улыбка стала еще приторнее.

— Прошу прощения, Ваше Высочество, но у нас во дворце свои правила: члены семей сидят отдельно, в женской половине.

Он повысил голос, обращаясь к помощникам:

— Эй, кто-нибудь! Проводите «супругу» принца Цзина в западный павильон...

Цзян Суйчжоу похолодел и резким жестом прервал его. Отправить Хо Уцзю к женщинам? Это что, шутка такая?

Принц сразу понял: это очередная пакость императора, призванная унижить генерала. К тому же, там Хо Уцзю останется без защиты, и с ним можно будет сделать что угодно.

Нужно было что-то предпринять. Цзян Суйчжоу помедлил, бросил на Хо Уцзю мрачный, почти пугающий взгляд, а затем перевел взор на слугу. В его глазах блеснуло что-то злое, напоминающее холодную улыбку безумца. Он заговорил вкрадчиво, почти шепотом:

— Эту «супругу» я должен охранять лично. Он нрава дикого, и только я знаю, как с ним управляться... Надеюсь на ваше понимание, почтенный.

От его тихого голоса у евнуха поползли мурашки по спине. Принц стоял против света, и его ледяная усмешка выглядела по-настоящему пугающе. Это не была просьба о снисхождении — это звучало так, будто принц предупреждает, что принес с собой любимую игрушку, которую намерен самолично терзать весь вечер.